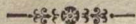

БРАТЯ
РАЗБОЙНИКИ.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

А. ПУШКИНА.

(ПИСАНО ВЪ 1822 ГОДУ.)

*Из редких книг
Горлова В. И.*

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕД.-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1827.

Печатать позволяется съ представлениемъ 5 экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для Казенныхъ мѣспъ. Юня 9 1827 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ , Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

Не стая вороновъ сдѣшалась
На груди палющихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для сѣжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ —
Живуть безъ пласки, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглець
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
И рыжій Финнъ, и съ лѣною праздною
Вездѣ кочующій Цыганъ!
Опасность, кровь, развратъ, обманъ —
Суть узы спрашнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой

Прошелъ всѣ степенѣ злѣдѣства ;
 Кшо рѣжешь хладною рукою
 Вдовицу съ бѣдной сиротой ,
 Кому смѣшно дѣшею спенанье ,
 Кшо не прощаешь , не щадишь ,
 Кого убійство веселишь ,
 Какъ юношу любви свиданье .

Затихло все , теперъ луна
 Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводишь ,
 И чарка пѣннаго вина
 Изъ рукъ въ другія переходишь .
 Проспершы на земѣ сырой
 Иные чушко засыпаюшь ,
 И сны зловѣщіе лешаюшь
 Надъ ихъ преступной головой .
 Другимъ рассказы сокращаюшь
 Угрюмой ночи праздный часъ ;
 Умолкли всѣ — ихъ занимаешь
 Пришельца новаго разсказъ ,
 И все вокругъ его внимаешь :
 « Насъ было двое : братья и я .
 Росли мы вмѣстѣ ; нашу младость
 Вскормила чуждая семья :
 Намъ , дѣшамъ , жизньъ была не въ радость ;

Уже мы знали нужды гласъ ,
 Сносили горькое презрѣнье ,
 И рано волновало насъ
 Жестокой зависти мученье.
 Не осцавалось у сиротъ
 Ни бѣдной хижинки , ни поля ;
 Мы жили въ горѣ , средь заботъ ,
 Наскучила намъ эша доля ,
 И согласились межъ собой
 Мы жребій испытать иной :
 Въ товарищи себѣ мы взяли
 Булашный ножъ да шемну ночь ;
 Забыли робость и печали ,
 А совѣсть отогнали прочь .
 Ахъ , юность , юность удалая !
 Житье въ то время было намъ ,
 Когда погибель презирая ,
 Мы все дѣлили пополамъ .
 Бывало только мѣсяцъ ясный
 Взойдетъ и спадетъ средь небесъ ,
 Изъ подземелія мы въ лѣсъ ;
 Идемъ на промыселъ опасный .
 За деревомъ сидимъ и ждемъ ;
 Идешь-ли позднею дорогой

Богатый Жидъ или убогой, —
 Все наше! все себѣ беремъ.
 Зимой бывало въ ночь глухую
 Заложимъ тройку удалую,
 Поемъ и свищемъ, и спрѣлой
 Лешимъ надъ снѣжной глубиной.
 Кто не боялся нашей встрѣчи?
 Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
 Туда! къ ворошамъ, и спущимъ,
 Хозяйку громко вызываемъ,
 Вошли — все даромъ: пьемъ, ѣдимъ!
 И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

И чшожь? попались молодцы;
 Не долго бранья пировали;
 Поймали насъ — и кузнецы
 Насъ другъ ко другу приковали,
 И стража ошвела въ острогъ.

Я старшій былъ пятью годами,
 И вынесъ больше брата могъ.
 Въ цѣпяхъ, за душными спѣнами
 Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ.
 Съ трудомъ дыша, томимъ шоскою,
 Въ забвеньи жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу,

Онъ умираю, швердя всечасно :
 « Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
 Воды, воды!... » но я напрасно
 Ссрадалцу воду подавалъ :
 Онъ снова жаждою помиралъ
 И градомъ пошъ по немъ кашился.
 Въ немъ кровь и мысли волновалъ
 Жаръ ядовитаго недуга ;
 Ужь онъ меня не узнавалъ
 И поминушно призывалъ
 Къ себѣ товарища и друга.
 Онъ говорилъ : « гдѣ скрылся ты ?
 Куда свой тайный пушъ направилъ ?
 За чѣмъ мой брашъ меня оставилъ
 Среди этой смрадной темноты ?
 Не онъ ли самъ онъ мирныхъ пашень
 Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
 И ночью шамъ, могущъ и страшенъ,
 Убийству первый научилъ ?
 Теперь онъ безъ меня на волѣ
 Одинъ гуляешъ въ чистомъ полѣ,
 Тяжелымъ машешъ кншпенемъ
 И позабылъ въ завидной долѣ
 Онъ о товарищѣ своемъ!... »

То снова разгорались въ немъ
 Докучной совѣсти мученья :
 Предъ нимъ толпились привидѣнья,
 Грозя перешомъ издалека.
 Всѣхъ чаще образъ спарика ,
 Давно зарѣзаннаго нами ,
 Ему на мысли приходилъ ;
 Больной , зажавъ глаза руками ,
 За старца шакъ меня молилъ :
 « Братъ ! сжался надъ его слезами !
 Не рѣжь его на старость лѣтъ...
 Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
 Пусси его — онъ неопасенъ ;
 Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
 Не смѣйся , братъ , надъ сѣдинами ,
 Не мучь его... авось мольбами
 Смягчишь за насъ онъ Божій гнѣвъ !... »
 Я слушалъ , ужась одолѣвъ ;
 Хотѣлъ унять больного слезы
 И удалить пустыя грезы.
 Онъ видѣлъ пляски мершвецовъ ,
 Въ шюрму пришедшихъ изъ лѣсовъ ,
 То слышалъ ихъ ужасный шопощъ ,
 То вдругъ погони близкій шопощъ ,

И дико взглядъ его сверкаль ,
 Стояли волосы горою ,
 И весь какъ лисъ онъ препешалъ.
 То мнилъ ужъ видѣшь предъ собою
 На площадяхъ толпы людей ,
 И страшный ходъ до мѣста казни ,
 И кнушь , и грозныхъ палачей...
 Безъ чувствъ , исполненный боязни ,
 Братъ упадаль ко мнѣ на грудь.
 Такъ проводилъ я дни и ночи ,
 Не могъ минушны ошдохнуть
 И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла :
 Вновь силы брата возвратились ,
 Болѣзнь ужасная прошла ,
 И съ нею грезы удалились.
 Воскресли мы. Тогда сильнѣй
 Взяла шоска по прежней долѣ ;
 Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волю ,
 Алкала воздуха полей.
 Намъ шошень былъ и мракъ шемницы,
 И сквозь рѣшешки свѣтъ денницы ,
 И стражи кликъ , и звонъ цѣней ,
 И легкой шумъ залешной пшицы.

По улицамъ однажды мы,
 Въ цѣпяхъ, для городской шюрьмы
 Сбирали вмѣстѣ подаянье,
 И согласились въ пишинѣ
 Исполнить давнее желанье;
 Рѣка шумѣла въ споронѣ,
 Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
 Бухъ! поплыли въ водахъ глубокихъ.
 Цѣпями общими гремимъ,
 Бьемъ волны дружными ногами,
 Песчаный видимъ островокъ,
 И разсѣкая быстрый шокъ,
 Туда спремимся. Въ слѣдъ за нами
 Кричатъ: «лови! лови! уйдушъ!»
 Два спража издали плывушъ,
 Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
 Оковы камнемъ разбиваемъ,
 Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
 Опягощенные водою....
 Погоню видимъ за собою;
 Но смѣло, полные надеждъ,
 Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ шонешъ,
 То захлебнешся, то заснонешъ,
 И какъ свинець пошелъ ко дну.

Другой проплыль ужь глубину,
 Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
 Не внемля крику моему,
 Идешъ, но въ голову ему
 Два камня полетѣли прямо —
 И хлынула на волны кровь.
 Онъ упонулъ — мы въ воду вновь;
 За нами гнашся не поспѣли,
 Мы береговъ достичь успѣли
 И въ лѣсъ ушли. Но бѣдной брашъ...
 И трудъ и волнь осенній хладъ
 Недавнихъ силъ его лишили:
 Опять недугъ его сломилъ;
 И злыя грезы постѣшили.
 Три дня больной не говорилъ
 И не смыкалъ очей дремошой;
 Въ четвертый грустною заботой,
 Казалось, онъ исполненъ былъ;
 Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
 Потухшій взоръ изобразилъ
 Одолѣвающую муку;
 Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
 И на груди моей уснулъ.

Надъ хладнымъ шѣломъ остался,
 Три ночи съ нимъ не разставался,
 Все ждалъ, очнешя-ли мершвецъ?
 И горько плакалъ. Наконецъ
 Взялъ заступъ; грѣшную молитву
 Надъ брашней ямой совершилъ
 И шѣло въ землю схоронилъ...
 Попомъ на прежнюю ловишву
 Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
 Ужъ не дождусь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
 Пиръ, веселые ночлеги,
 И наши буйные набѣги —
 Могила брата все взяла.
 Влечусь угрюмой, одинокой,
 Окаменѣлъ мой духъ жестокой,
 И въ сердцѣ жалось умерла.
 Но иногда щажу морщины:
 Мнѣ страшно рѣзать старика;
 На беззащитныя сѣдины
 Не подымается рука.
 Я помню, какъ въ шюрмѣ жестокой
 Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
 Безъ памяти въ поскѣ глубокой
 За старца брата меня молилъ.»

Цѣна 42 копѣйки.

